

Умереть?! Ни-ког-да!!!

Тридцать лет назад, студент Московской консерватории Михаил Броннер принес в класс своего профессора Т.Н.Хренникова новый романс на безымянное стихотворение О.Мандельштама. Этот романс молодой композитор назвал по первой строчке стихотворения: «Я хочу умереть...»

Тихон Николаевич послушал и сказал: «Миша, очень хороший романс. Но почему такое название: «Я хочу умереть...»? Название нехорошее».

Миша Броннер начал объяснять, что, вот, мол, бывает такое настроение, когда весь свет не мил... Хренников, глядя в пол, качал отрицательно головой. Броннер находил, как ему казалось, все более веские аргументы, - Хренников продолжал молча отрицательно качать головой. Тогда Броннер буквально «взорвался»:

- Ну, Тихон Николаевич! Ну, неужели Вам никогда не хотелось умереть?

Хренников впервые поднял глаза и эмоционально, категорически провозгласил:

- Умереть?! Ни-ког-да!!!

Взаимоотношения Хренникова и его многочисленных учеников по консерватории – особая глава. Все его студенты с радостью шли на занятия, обстановка всегда была непринужденная. Однажды Татьяна Чудова, бывшая тогда еще только ассистентом Хренникова, очень эмоционально досадовала, что некоторые студенты вяло работают, иногда отлынивают от занятий. Тихон Николаевич слушал это как-то невнимательно, посматривая то на одного, то на другого студента без осуждения. Чудова говорит все более и более эмоционально и завершает:

- Тихон Николаевич! Я так с ними вожусь, так о них забочусь, ну прямо, как мать!

И тут Хренников, хитро улыбнувшись, снимает весь пафос:

- Что, и грудь даешь?

Смеялись все, и Чудова! И, кстати, после этого случая все студенты повысили свою активность.

Хренников был феноменальный дипломат! Даже самые мелкие вопросы, которые могли как-то задеть самолюбие товарищей, он умудрялся решать практически безболезненно.

Однажды, во время подготовки очередного съезда композиторов, когда была уже практически сформирована вся повестка съезда, всех волновал вопрос: а кто съезд будет открывать?

По традиции, съезд открывал один из старейших, авторитетнейших композиторов. Предыдущий, перед описываемым, съезд открывал Ю.Шапорин. А теперь...

И вот, завтра съезд должен открыться в Кремле. Завершается секретариат, и Хренников говорит:

- Да, друзья! Нам надо решить вопрос: кто будет съезд открывать? У нас два классика – Дмитрий Дмитриевич Шостакович, который сейчас болен, и ты, Арам (это Тихон Николаевич обращается к Хачатуряну). Так что, как видно, Арам, у нас выбора нет.

Тут Хачатурян и говорит:

- Да, но Дмитрию Дмитриевичу надо обязательно предложить!

- Ты так считаешь, Арам? Так может быть, ты это и сделаешь? Позвонишь Дмитрию Дмитриевичу, или зайдешь к нему, и от имени Секретариата Союза предложишь?

Хачатурян так и сделал: он позвонил Шостаковичу, и Шостакович согласился открывать съезд.

Не было не только обиды, но еще, вдобавок, Арам Ильич был доволен, что именно он уговорил Шостаковича открывать съезд.

А еще вспоминается симпозиум с итальянскими композиторами. Проходил он в одном из домов творчества (кажется, в Армении).

Идет заседание, с итальянской стороны выступают докладчики, выступают наши музыковеды. Тихон Николаевич сидит, слушает, а голова его постепенно склоняется, и он... засыпает. И даже слегка «похрапывает». Но симпозиум продолжается. И вот, когда дело идет к «коде», Хренников поднимает голову и берет слово для «подитоживания». И тут выясняется, что он не пропустил ни одного слова! Он очень точно, а главное – кратко и остроумно охарактеризовал каждое выступление! Все были поражены!

Конец 1960-х – начало 1970-х годов. Как известно, «хрущевская оттепель» кончилась, началось «брежневско-сусловское идеологическое наступление» по всем фронтам. И вот, однажды, Хренникову звонят из «инстанции» и говорят: «Тихон Николаевич, вы в курсе того, что произошло? Ваш композитор Эдисон Денисов передал свое сочинение для издания во Францию. Это серьезное преступление, вы должны разобраться и сделать оргвыводы – такому человеку не место в Союзе Советских композиторов».

Хренников обещал собрать секретариат и обсудить этот вопрос: «Только я сейчас уезжаю в командировку, поэтому секретариат мы проведем в середине июня», - сказал Хренников. На том и порешили.

За неделю до назначенного срока Тихон Николаевич вызывает верного «службиста», начальника отдела кадров Союза композиторов СССР В.И.Козюру и говорит ему:

- Василий Илларионович, у нас будет последнее перед отпуском заседание секретариата, нам надо закрыть «долги» перед нашими коллегами из республиканских союзов композиторов. Там, небось, много приёмных дел накопилось?

Козюра с энтузиазмом отвечает:

- Тихон Николаевич, уже несколько раз звонили Председатели Союзов Туркмении, Таджикистана, Узбекистана – мы не рассмотрели, в общей сложности, только из Средней Азии 11 дел, а еще есть трое молдован, трое украинцев, Мирзоян (это – Армения) намекает, что его молодёжь на него косо смотрит.

- Вот и хорошо, Василий Илларионович, подготовьте эти дела к секретариату. А они записи своих сочинений прислали? Мы послушать это сможем? – спрашивает Хренников.
- Конечно! Ведь Андрей Яковлевич (Эшпай) на приёмной комиссии всё это слушал.

Следующий шаг руководителя Союза – вызов директора Музыкального фонда Радовинского:

- Лев Александрович, на итоговое заседание секретариата подготовьте финансовые вопросы. Там, я знаю, многие просят материальную помощь, потом, говорят, в Иваново и в Рузе трубы полопались – подготовьте эти вопросы, чтобы мы могли сейчас выделить деньги и к зиме дома творчества подготовить.

И вот, наступает 21 июня. Секретариат Хренников назначил на 16 часов. А особенность зала иностранной комиссии, где проходили заседания секретариата в том, что его огромнейшие окна выходят на южную сторону, и летом температура воздуха поднимается до 35 градусов.

Без пятнадцати четыре в зал входят работники «инстанции» - в пиджаках, при галстуках. Приходят и члены секретариата – Кабалевский, Арам и Карэн Хачатуряны (Карэн тогда был руководителем Бюро пропаганды), Пейко, Эшпай, Щедрин, Свиридов, Кара Караев, Холминов, Пахмутова, Келдыш, Борис Чайковский, Туликов, Терентьев (он тогда был председателем Музфонда), из Армении приехал Эдвард Мирзоян, из Ленинграда – Андрей Петров, - не кворум, а КВОРУМИЩЕ!!! И все они – в легких рубашках без рукавов. Усаживаются за длинный стол, обмениваются какими-то впечатлениями. Слева от входа, у маленького столика, на котором сложена высоченная стопка папок, стоит В.И.Козюра. В 16-15 в зал входит Хренников:

- Что, уже все собрались? Ну, тогда начнём. Друзья, мы очень задолжали нашим коллегам из республик, вот Эдик Мирзоян не даст соврать: их молодые композиторы давно ждут решения своей судьбы. Так, Эдик?
- Да, Тихон Николаевич. Очень давно не рассматривали приёмные дела. Некоторые молодые думают даже, что это я специально их задерживаю.
- Ничего, Эдик, сейчас мы эту ошибку исправим. Василий Илларионович, начнём.

В.И.Козюра не спеша открывает первую папку:

- Дурдыев... Родился такого-то числа в селе таком-то, окончил Ашхабадское музыкальное училище, затем учился в Институте Гнесиных у Николая Ивановича Пейко. Правлением союза композиторов Туркмении принят единогласно. У приёмной комиссии Союза композиторов СССР есть вопросы.

Хренников обращается к Эшпаю:

- Андрюша, а какие вопросы?
- Тихон Николаевич, коллеги. Нам показалось, что в развитии материала у нашего соискателя есть проблемы...

Вступает Пейко:

- Никаких проблем у него нет. Он пишет в своем, национальном стиле.

Хренников:

- Друзья, зачем спорить? У нас есть запись? Давайте послушаем.

Секретарь звонит в студию звуозаписи, и бесшумный Женя Кочетков ставит запись... двадцатиминутного (!) сочинения!

Представители «Инстанции» начинают нервничать: в их планы не входило слушать туркменскую музыку. Но... в чужой монастырь со своим уставом не входят, и они вынуждены делать хорошую мину...

Тягостные двадцать минут закончились.

- Друзья, надо обсудить, - говорит Хренников.

Дальше идет обсуждение, в котором принимают участие и Щедрин, и Эшпай, и Холминов, и Пахмутова, но дольше всех говорит Терентьев! Он говорит о том, как важно поддерживать национальное в творчестве композиторов и заканчивает:

- Я бы поддержал этого молодого человека.

Итак, почти через час после начала секретариата Дурдыев принимается в Союз композиторов СССР. А на столике у Козюры еще, как минимум, 14 папок!

«Композитор из Армении...» - начинает Козюра. Он полностью прочитывает биографию, перечисляет все его произведения, после чего берет слово Мирзоян:

- Друзья мои! Вы ведь знаете, что я редко вас тревожу своими просьбами. А здесь случай особый. Я уверен, что этот молодой человек достоин быть членом нашего Союза, и уверен, что вы мне верите. Но я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы вы все послушали его музыку, поскольку мы хотим рекомендовать сочинения этого талантливого юноши для исполнения на Всесоюзном съезде.

- Я полностью поддерживаю Эдварда Михайловича, - откликнулся председатель приемной комиссии Эшпай.

Включили симфонию молодого армянского композитора. А она звучит 27 минут!

Итак, уже 18 часов 30 минут, а папка у Козюры не «худеет»!!!

Далее идут композиторы Узбекистана, Молдавии, Украины, опять – Туркмении, Таджикистана...

В 20 часов, когда уже температура воздуха накалилась до предела, Хренников обращается к Радовинскому:

- Лев Александрович, доложите по Музфонду.

Радовинский говорит о проблемах канализации в домах творчество Иваново и Рузы, эмоциональные композиторы начинают комментировать это своими личными ощущениями. В результате принимается решение выделить энную сумму денег на замену труб, а попутно – на премирование героических сотрудников домов творчества. Потом – длительное обсуждение ссуд вдовам композиторов, потом – о выделении денег на памятники умершим композиторам и на содержание могил Прокофьева, Мясковского, Шебалина...

Почти в девять часов вечера Хренников говорит:

- Друзья, повестка исчерпана. Но у меня есть еще один пункт. Где Вакман (это – юрист Союза композиторов)?

- Я здесь, Тихон Николаевич, - с дрожью в голосе говорит Ефим Борисович.

- Замечательно! Ефим Борисович! Надо срочно разослать во все союзы композиторов правила, положения, излагающие наши права в процессе предоставления наших сочинений зарубежным издателям и исполнителям, и так далее. Вы знаете, мы все неграмотные! Я и сам не знал, что без разрешения наших инстанций – и в частности ВААП, - мы не имеем права передавать свои сочинения за границу! У нас сейчас произошел такой случай с талантливейшим композитором Эдисоном Денисовым: он передал своё сочинение во Францию.

Эшпай и Мирзоян (в один голос):

- А что, нельзя?

Хренников:

- Оказывается, нельзя. Надо теперь всех оповестить, чтобы нам не вляпываться в такие истории. Ну, что, друзья, все вопросы исчерпаны, хорошего вам отдыха.

Все встали, начали расходиться. Представители «Инстанции», с которых градом тек пот (не только от жары, но и от глубочайшего разочарования) покидали зал иностранной комиссии поникшими. Они ушли, даже не попрощавшись с Хренниковым.

Я даже не буду комментировать эту, глубоко продуманную Хренниковым, акцию. Я хочу просто напомнить всем, кто говорит о том, что Хренников «травил» Денисова, Шнитке, Губайдуллину, как Тихон Николаевич спас одного из них. Могу рассказать так же, как Хренников, когда у Шнитке в Сочи случился инсульт, молниеносно отыскал лучшего в стране врача, и добился специального самолета для отправки врача в Сочи, а потом – чтобы этот специальный самолет доставил Шнитке в Москву.

И еще один случай, о котором мне рассказал композитор Меерович.

Это произошло еще в начале 1940-х годов. Только что В.И.Немирович-Данченко поставил оперу Хренникова «В бурю». Хренников не занимал еще никаких постов, хотя известность и популярность его музыки была уже достаточно высока.

Музыковед Шлифштейн позвонил Хренникову и говорит:

- Тихон Николаевич, я хочу показать в Союзе вашу оперу, и устроить ее обсуждение.

Хренников, зная заранее, какого рода обсуждение это будет, соглашается, но с

одним условием: все музыкальные моменты он будет иллюстрировать на рояле сам. И вот, начался этот показ. В зале – Прокофьев, Шостакович, Глиэр, Шапорин, Хачатурян, Василенко, Шебалин, Гнесин... Имена! Личности!! Классики!!!

Шлифштейн начинает рассказ об опере, и все время говорит только негативные вещи. Хренников – за роялем.

- А далее идет пошловатая, довольно тривиальная тема. Тихон Николаевич, сыграйте на странице такой-то.

Хренников играет. Далее все продолжается в том же духе. Хренников играет! С Вдохновением и внутренней силой!

Когда эта экзекуция закончилась, Прокофьев пожал Хренникову руку и сказал:

- Тихон Николаевич, вы очень мужественный человек. Я бы давно захлопнул крышку рояля, а, может быть, дал бы этому музыковеду по морде.

Проходит несколько лет. Хренников становится генеральным секретарем Союза композиторов СССР, а в стране начинается сталинская кампания борьбы с космополитизмом. И Шлифштейн узнает, что вот-вот, через день-два его просто посадят в тюрьму, как «безродного космополита»!

Что делать? Он в панике спрашивает Мееровича: «Миша! Я погибаю, что делать?». Меерович ему говорит: «Пойдите к Хренникову». – «Вы что? Я ведь его так оскорбил, опозорил перед нашими классиками – он мне не простит!».

«А у вас есть другой выход? Хуже не будет,» - сказал Меерович.

И вот, Шлифштейн, на негнущихся деревянных ногах переступает порог кабинета Хренникова.

- Семен Исаакович! Добро пожаловать! Что вас привело ко мне? – радушно встречает Хренников Шлифштейна.

После того, как Шлифштейн излагает свою беду, Тихон Николаевич снимает Трубку и звонит главному редактору журнала «Советская музыка»:

- Вам там нужен был музыковед, который поехал бы в Якутию? Пошлите Шлифштейна. И немедленно. Завтра же.

На следующий день Шлифштейн улетел в Якутию, а еще через день за ним в московскую квартиру пришли... Но он уже был в служебной командировке там, куда его хотели сослать.

Но... я не могу не вспомнить еще один случай.

Мой товарищ, хороший оркестровый музыкант, переехал по обмену из Ленинграда в Москву – в десятиметровую комнату в коммунальной квартире вместе с женой и пасынком. А тогда существовало правило: встать в очередь на кооперативную квартиру можно только со стажем проживания в Москве пять лет!

И вот, мой товарищ сообщает мне, что консерватория (а он работал в оркестре оперной студии) строит кооперативный дом. И нужно разрешение на вступление в этот кооператив. Я говорю ему:

«Пойди к Хренникову».

«А как записаться к нему на прием?»

«А зачем записываться? Пойди, сядь в приемной, тебя обязательно примет».

Товарищ мой в это не поверил, но все же пошел. Волновался он ужасно! Пришел Хренников, увидел огромную очередь (человек тридцать, не меньше):

- О, как много! Ну, ничего, я всех приму, - сказал Тихон Николаевич, направляясь в свой кабинет.

А я предупредил своего товарища:

- Смотри, если Тихон начнет барабанить по столу пальцами, значит, он уже понял проблему, и тебе надо переходить к сути.

И вот, попадает мой товарищ в кабинет:

- Ну, что вас привело ко мне?

Товарищ начал рассказывать свою историю, но видит, что через пять секунд

Хренников барабанит по столу нечто вроде «Упражнений» Брамса. Приятель начинает излагать просьбу, а Тихон Николаевич уже нажимает кнопку звонка:

- Калерия Николаевна, надо написать письмо в Моссовет, я его подпишу, а вы напомните мне завтра, чтобы я позвонил туда – товарищу надо помочь.

Так мой друг попал в этот кооператив.

Продолжать «список благодетелей» Хренникова можно бесконечно! Вряд ли это нужно – все это зачтется и без наших свидетельств. Я же хочу рассказать еще и о том, как создавалась газета Союза композиторов. Тихон Николаевич много лет мечтал о газете! Но ЦК КПСС не разрешал: «Хватит с вас двух журналов». И вот Хренникову пришла в голову мысль создать бюллетень Бюро пропаганды Союза композиторов – на него ведь разрешения ЦК не нужно! Начали издавать бюллетень, и тут подоспела «перестройка»! И Тихон очень ловко преобразовал бюллетень в ведомственную «Музыкальную газету», куда пригласил главным редактором пожилую даму, работавшую в газете «Советская культура», а также молодого музыканта, журналиста Андрея Устинова, который в журнале «Музыка в школе» у Кабалева был заведующим редакцией. Очень быстро Тихон Николаевич понял, что Дама «не тянет», и сказал своим помощникам: «Уже не переправа, и коней надо менять». Он указал перстом на Андрея Устинова: «Вот, кто должен стать главным редактором». Путем сложных рокировок молодой парень стал главным редактором газеты «Музыкальное обозрение», и в этой должности работает уже 18 лет. Хренников дважды делал Устинова руководителем пресс-центра Конкурса им. Чайковского.

Этот случай я рассказал для того, чтобы показать, как умел увидеть Тихон Николаевич деловые качества людей, как умел он доверять молодым, иногда буквально «бросая их в воду» со словами: «Плыви! Обязательно выплывешь!!!»

А был еще забавный случай, который имел добрые последствия.

Я работал в Союзе композиторов СССР сначала заместителем председателя Комиссии по музыкально-эстетическому воспитанию детей и юношества, а затем, когда Тихон Николаевич сделал моего «патрона» Б.С. Диментмана оргсекретарем Союза, - председателем Комиссии. А мне всегда нравилась «графика» хренниковской подписи: такая уверенная, абсолютно читаемая, где видна каждая буква! И я, без всякого «злого» умысла, многократно на разных клочках бумаги тренировал эту подпись, стараясь достичь максимального сходства. И однажды у меня это получилось!

И вот, сидя с Тихоном Николаевичем в ресторане Дома композиторов, я взял бумажную салфетку и вывел его характерный автограф: «Т.Хренников». Тихон взглянул и сказал: «Лихо!»

Прошло несколько дней. Хренников уехал в санаторий и звонит мне оттуда: «Петя! Там надо написать письмо по министерство здравоохранения – тяжело заболел наш коллега, Калерия Николаевна тебе скажет – кто. Так вот, напиши письмо, а автограф возьми с салфетки».

Так мы и сделали. Потом неоднократно Хренников откуда-то звонил своей помощнице Калерии Николаевне Долуханян, и говорил: «Надо написать такое-то ходатайство. А подписать – у вас, Калерия Николаевна, там есть свой Тихон Николаевич».

Клянусь: никогда своим «даром» без разрешения Хренникова я не воспользовался.

И еще. Как-то получаю письмо из обкома партии одной из областей, а в письме этом – просьба поддержать рекомендацию обкома о закрытии культурно-просветительского училища в связи с отсутствием контингента учащихся.

Я, совершенно неопытный в этих вопросах, принимаю на веру этот аргумент, думая: «Зачем же там училище, если учиться некому?» Составляю проект письма от имени Хренникова с поддержкой идеи закрытия этого училища. Прихожу к Тихону в кабинет. Он читает письмо, морщится, и говорит:

- Петя! Закрыть просто! А ну, как народятся там культурные люди? Ведь бабы

рожать еще не разучились! Вот родятся, захотят поступить в училище, а его и нет. Напиши письмо с такими словами: «Считаю необходимым сохранить это образовательное учреждение, готовящее работников культурного фронта». Вот такое письмо я подпишу с удовольствием.

А еще хочу рассказать о Хренникове в домашней обстановке.

Доводилось мне бывать и в его квартире на Миуссах, где с большим трудом можно было пробраться через ноты, книги (тесная была квартира – совершенно не соответствовала чину председателя Союза композиторов), а если еще вспомнить, что горячая вода на кухню подавалась от газовой колонки в ванной комнате через клистирную трубку! И это – в квартире всемирно известного композитора, а также – кандидата в члены ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР!

Но зато в этом доме вас всегда ожидал вкусный обед, выпивка, изумительная беседа, доброта, тепло...

Ну, а к концу моего повествования о моем любимом композиторе и человеке, я заготовил любимую, хотя и грустную историю.

Я часто бывал в доме Хренникова. Раньше у дверей меня встречал черный кот Атос – мудрейший, добрейший котяра! Уникальное создание! Он прожил 23 года (какой же должна быть атмосфера в доме, чтобы кот смог преодолеть все рекорды долгожительства!)

И вот, Клара Арнольдовна (красивейшая женщина, умница, человек необыкновенной доброты и мудрости) рассказывает мне:

- Представляешь, Петя, мы ложимся спать поздно. Я уже лежу на своей кровати, а Атос сидит на кровати Тихона. Тихон еще долго умывается, домывает посуду (он всегда это делает сам), потом приходит в комнату, садится на свою кровать и начинает гладить кота. И такие слова говорит Атосу, столько ласки в эти слова вкладывает, что я ему говорю: «Тихон, ты за 60 лет мне столько добрых слов не сказал, сколько говоришь Атосу!» А он мне отвечает: «Кларуша, не ревнуй! Ты же ведь тоже его очень любишь!» Слов нет! Я тоже его очень люблю».

И вот, однажды...

- Ой, Петя, - говорит Клара Арнольдовна, - подошел ко мне Атосик, посмотрел в самые глаза, сказал «мяу», полизал мне руку и куда-то пошел. Потом приходит домой из консерватории Тихон, а Атос его не встречает. Тихон сразу меня спрашивает: «А где Атос?». И стал Тихон ходить по квартире, звать кота. Стал на коленках ползать, его искать. И под одним из кресел нашел его, уже мертвого.

Пройдет сто лет. Нас уже не будет. Но будет Хренников, его добрая, жизнеутверждающая музыка, останется его любовь к людям, а главное – любовь к жизни.

«Умереть??? Никогда!!!» - этот символ и есть Герб Хренникова. Хренников не умрет никогда.

Петр Меркурьев

Музыковед, актер

Заместитель главного редактора газеты «Музыкальное обозрение»

Заслуженный деятель искусств России